

РОССИЙСКИЙ ФОНД ПОМОЩИ / www.rusfond.ru

Нам нужна презумпция

Михаил Каабак

заведующий отделением трансплантации
Российского научного центра хирургии РАНН

В августе начнется повторное судебное рассмотрение печально знаменитого «дела трансплантологов». Напомним, что весной 2003 года группа московских врачей была обвинена в приговоре к убийству человека с целью изъятия у него почек для трансплантации. Первый процесс по делу завершился этой весной, когда медицинское сообщество отменило 40-ю годовщину первой в стране операции по пересадке почки. Процесс вышел громким и закончился оправдательным приговором. Но Верховный суд РФ вернул дело на повторное рассмотрение.

11 апреля 2003 года в 20-й горбольнице Москвы сотрудники МУРА задержали двух хирургов Московского координационного центра органного донорства Петра Пятничука и Баирму Шадрурову, врача-реаниматолога Людмилу Праведную и замлававрача 20-й больницы Ирину Лырцман. Их обвинили в попытке изъятия у еще живого пациента Анатолия Орехова почек для трансплантации. Хорошевская межрайонная прокуратура Москвы возбудила дело по статье «Приготовление к убийству». 19 марта 2005 года Мосгорсуд полностью оправдал всех обвиняемых. 19 апреля Верховный суд отменил приговор и направил дело на повторное рассмотрение.

Первая в СССР трансплантация человеческих органов была проведена в РНИЦ академиком Борисом Петровском. 15 апреля 1965 года он пересадил 19-летнему юному почку матери. Реципиент прожил полгода. С тех пор удалось решить многие проблемы отторжения и совместимости органов, в стране уже выполнены тысячи трансплантаций. Человек с чужой почкой теперь способен жить после операции до тридцати лет. Пересадки почек проводят в Москве, Санкт-Петербурге, Волгограде, Екатеринбурге, Омске и Уфе. Доктор медицинских наук Михаил Каабак выполнил свыше 400 таких операций. Он специализируется на трансплантации почек детям от взрослых родственников.

Как говаривал главный советский классик, лучший способ отметить юбилей — это поговорить о нерешенных проблемах. Для меня лично «дело трансплантологов» является самым ярким выражением всеобщего недоверия и подозрительности в нашем обществе, нашего неумения решать свои проблемы по-человечески. Начав операцию по трансплантации органов на десять лет позже американцев и на восемь позже французов, мы избежали многих упреков в адрес советской медицины. Но, воспользовавшись чужими открытиями, мы отказались от общественных дискуссий, которые непременно сопровождали на Западе начало трансплантаций человеческих органов. Этот отказ мстит теперь нам всем.

Когда полвека назад патриарх трансплантологии Томас Старзл проводил в Мемфисе (штат Техас, США) пересадку печени или почки, то об этом рассказывала все пресса. Людям докладывали, как одному конкретному гражданину (имена никто не скрывал) пересадили орган от другого конкретного гражданина, погибшего в аварии. Специальный общественный комитет (учителя, настоятели церкви и другие уважаемые люди Мемфиса) публично решал, жизнь какого больного следует поддерживать из городской казны в ожидании донорского органа. Казалось, вопрос о том, имеет ли общество право на использование трупных органов без согласия их владельца, тогда очень волновал весь мир. А теперь больше не волнует. Западное общество приняло правила донорского органа. Юридические концепции на этот счет давно одобрены Всемирной организацией здравоохранения. Их две. Первая — презумпция согласия человека на изъятие у него органов в случае смерти: если нет письменных или иных указаний, что донор был против, то считается, что он был за это. Вторая — презумпция несогласия: когда требуется отдельный документ с подписью умершего о его согласии на изъятие органов (нет документа — нет согласия).

Обе концепции хороши. Обе работают. Лично мне ближе вторая, как менее лукавая. Она, кстати, прекрасно прижилась в Испании, где недавно тоталитарной и по-прежнему очень набожной стране. Вы можете представить себе, что на входе в церковь вас встречают призывом: «Не берите свои органы на небеса. Небеса в курсе, что эти органы нужны здесь»? А я сам видел такие объявления во многих храмах Испании.

Или Латвия. Там тоже нашли выход. Вы против изъятия? Но как об этом заявить обществу? Татуировкой на груди? Носить заведанные в бумажнике? А если вы стали жертвой ограбления и бумажник при вас не найдут? И государство Латвия создало электронный банк данных, куда любой гражданин может заявить о своем нежелании выступать донором после смерти. А если труп не опознан, врач просто не может взять его органы.

В России все всегда было не так. При прежней власти об изъятии органов родственники узнавали случайно, как правило, от нетрезвого патологоанатома, и жаловаться было бесполезно. Система действовала строго в интересах советского народа, и разрешения от отдельных граждан системе не требовалось. Это была презумпция согласия по-советски. А сегодня изымать органы лучше у неопознанных: не надо связываться с родственниками. И это, конечно, большая глупость, попытки сохранить трансплантологию на старых условиях, без главных правил. Не выйдет, обязательно где-то прорвет.

Беда не только в том, что «дело трансплантологов» второе сократило число пересадок по Москве. Наиболее опытные врачи стали опасаться заниматься операциями, и качество донорской почки резко ухудшилось. Если у взрослого такая почка еще имеет шанс восстановиться, то ребенок с ней просто не выживет. Лично я, например, сейчас занимаюсь пересадкой почек детям только от родственников: донор-доброволец, никаких трупов и минимум шансов на вмешательство в операцию ОМОНа. Но детское направление — лишь часть нашего дела. Без посмертного донорства отечественная трансплантология будет затаховать, обрекая на смерть тысячи сограждан, которых можно было бы спасти.

Гарри Поттер и псковские сироты

Издательство «Росмэн» обратилось в Российский фонд помощи с просьбой подыскать несколько детдомов «где-нибудь в глубинке» для отправки сиротам своей продукции в подарок к новому учебному году. Мы, конечно же, подыскали. Три интерната Псковской области (два красногорских и опочекский) получили 240 книг о Гарри Поттере, а также игрушки, ранцы и канцтовары, всего — на 500 584 рубля.

До сих пор в течение девяти лет мы работаем для людей, отчаянно нуждающихся в помощи наших читателей. Многие из тех, кому нужна ваша помощь, вряд ли вообще когда-нибудь держали в руках газету «Коммерсантъ». Но в России сегодня нет региона, из которого мы не получали бы просьбы о помощи. А теперь и сами читатели, «Б» предлагают свою помощь. Вот что по этому

Генеральный директор «Росмэна» Михаил Маркоткин: «Мы хотели бы системно помогать детдомам и рассчитывать в этой акции на сотрудничество с Российским фондом помощи» фото владимира хохлова

поводу говорит генеральный директор «Росмэна» Михаил Маркоткин: «Не стоит ждать, когда тебе обратятся. Всем известно о скудости и вечном дефиците бюджетов наших детдомов. Де-

Сердце не порок

Андрюшу Алексеева можно вылечить и усыновить

Андрюше Алексееву два года. Он сирота из дома ребенка города Бийска Алтайского края. Какие-то добрые люди усыновили было Андрюшу, но через пару месяцев вернули в дом ребенка. Вернули, потому что у мальчика порок сердца, он все время болеет и все время хочет есть. Так вот, его можно вылечить от порока сердца.

Чуть больше полугодом назад я полетел в Томск встречаться с тамошними детскими кардиологами Сергеем Ивановым и Евгением Кривошековым и помогать им найти деньги на амплаттеры. Амплаттеры — это такие заплатки, которые хирурги крепят детям на сердце, когда у детей порок сердца. Порок сердца — это когда у ребенка в сердце лишние отверстия, сквозь которые кровь утекает куда не надо и оттого недостаточно обогащается кислородом или не доносит кислород до тканей и органов. Если эти отверстия залатать амплаттерами, кровь станет циркулировать нормально и ребенок будет жить и развиваться. Но амплаттеры стоят денег. Много денег. И операции стоят денег. И уход за детьми. И если у ребенка, больного пороком сердца, есть родители, то это они должны оплачивать операцию и выхаживать малыша. А теперь, когда государство монетизировало льготы, родители оплачивают еще и проезд ребенка в крупный город, где есть кардиологический центр. А если у ребенка нет родителей, то кто оплачивает?

Чуть больше полугодом назад мы ездили с доктором Ивановым и доктором Кривошековым по томским детским домам, и врачи показывали мне детей, которым нужна была операция на сердце, детей, которые умерли бы без этой операции, но у которых не было никого, кто заплатил бы за заплатку для сердца. Дети были бледные и грустные. Чем старше они были, тем заметнее было их отставание в физическом и психическом развитии. На них было больно смотреть, но, клянусь, еще больнее было смотреть на двух здоровых мужиков, хирургов Иванова и Кривошекова, молодых, талантливых и рукастых, готовых оперировать чуть не каждый день, но не имевших такой возможности, потому что чертов амплаттер стоит столько, сколько каждый из них зарабатывает за год.

Это было чуть больше полугодом назад. Примерно в это же время в полутьсяче километров от Томска мальчик Андрюша Алексеев второй раз в жизни осиротел. Я ничего не знал тогда про Андрюшу. Я возвращался в Москву, был ясный морозный день. Глядя в самолетный иллюминатор, я думал патристические мысли: дескать, какая бескрайняя земля эта Сибирь, и сколько же в ней детских домов, и сколько в каждом детском доме детей с пороком сердца, и сколько им нужна операция.

Я прилетел в Москву, написал про амплаттеры, и вы, дорогие читатели, собрали денег. Много. Так много, что томские врачи оказались загруженными работой надолго. Не слишком ли пафосно будет сказать, что они прооперировали город? У них в Томске не осталось детей-сирот, нуждающихся в срочной операции на сердце. И они поехали по другим городам. Сибирь большая. И в городе Бийске Алтайского края доктор Иванов смотрел мальчика Андрюшу Алексеева, дважды сироту, и подтвердил диагноз «порок сердца», и сказал, что нужна операция.

Мать отказалась от Андрюши в роддоме. Младенец был еле живой, и прямо из роддома его повезли в больницу, где мальчик

Дважды сиротевший двухлетний Андрюша Алексеев еще сможет обрести новых родителей, если его избавить от порока сердца фото владимира черкасова

провел первые несколько месяцев своей жизни. Там, в больнице, Андрюшу, не зная уж как, приметили добрые люди и обратились в органы опеки, заявив, что хотели бы, дескать, усыновить мальчика. Прежде чем разрешить усыновление, Андрюшу чисто формально на несколько дней перевели в Бийский дом ребенка. Главный врач дома ребенка Людмила Бузунова стала, как это и положено по закону, Андрюшиным опекуном, и представляла интересы мальчика в суде по усыновлению. И мальчик, как это и положено по закону, был усыновлен через суд добрыми людьми, приметившими мальчика в больнице.

А еще через несколько месяцев добрые люди потребовали через суд, чтобы Бийский дом ребенка забрал у них Андрюшу обратно. Не зная уж, как можно не понять, что ребенок болен, если ты познакомился с ребенком в больнице, но усыновители утверждали на суде, что не были, дескать, предупреждены о пороке сердца, которым страдает Андрюша Алексеев.

Главный врач соглашалась. Она признавала в суде, что органы опеки действи-

тельно должны были предупредить усыновителей обо всех болезнях усыновляемого ребенка и взять с них расписку, что они предупреждены.

— А еще оно все время ест, — говорила в суде приемная мать.

Главный врач соглашалась, что у ребенка с пороком сердца могут быть проблемы с усвоением пищи и про это тоже надо было предупреждать усыновителей.

Короче говоря, Андрюшу взяли в дом ребенка обратно. Он был очень голодный. Худой, голодный и запуганный. Норовил стащить еду, спрятаться где-нибудь и есть. Через пару месяцев Андрюша наелся, потолстел, стал почти нормально расти, перестал таскать еду и научился, как все дети, просто спокойно завтракать, обедать, полдничать и ужинать. Я спрашивал начмед Бийского дома ребенка, почему проблемы с усвоением пищи были у Андрюши, пока он жил в приемной семье, и пропали, когда стал жить в детском доме. Начмед сказала:

— По-моему, его просто мало кормили. ВАЛЕРИЙ ПАНЮШКИН

Андрюше Алексееву и еще четверым бийским сиротам спасут жизнь 519 920 руб.

«Без оперативной ликвидации сердечного порока Андрюшу Алексеева ждет спецдетдом для инвалидов. А оттуда его уже никто и никогда не усыновит», — написала в Российский фонд помощи главврач Бийского дома ребенка Людмила Бузунова. Операции на сердце таким маленьким детям в Алтайском крае не делают, и главврач просила нас найти клинику. Томские кардиологи, с которыми фонд сотрудничает уже больше года, отправились в Бийск. Они нашли, что Андрюше показана эндоваскулярная операция (142 000 руб.). Но здесь же, в доме ребенка, они обнаружили еще четверых ма-

льшей с врожденными пороками сердца. Кардиологи считают, что читатели «Б» могут спасти всех пятерых, как спасли они томского сирот (тоже пятерых) полгода назад. Положение четверых даже сложнее, чем Андрюшиного. Двухлетнему Андрею Соболеву, годовалым Кристине Големовой, Алене Фликовой и Кириюше Селину операции обойдутся по 195 тыс. руб. Как и Андрюша Алексеев, без операции малыши обречены на инвалидность и сиротское будущее. Оперативное вмешательство, по мнению Людмилы Бузуновой, помимо здоровья даст реальную надежду на усыновление.

В стоимость операции включены и услуги сиделок в Томской клинике (ведь родителей у них нет и выхаживать их некому). Для спасения пятерых сирот требуются 922 тыс. руб. Как всегда, компания «Ингосстрах» и благотворительный фонд «Русский дар жизни» (подробности на сайте www.rusfond.ru) внесут соответственно свои «стартовые» \$11 500 и \$2 500. Таким образом, недостает 519 920 руб. Томский кардиоцентр уже выставил нам счета на каждого малыша и с благодарностью примет любые пожертвования.

Экспертная группа
Российского фонда помощи

Из свежей почты

Марина Бахтина, 4 года, хроническая почечная недостаточность в конечной стадии, спасет замена почки. 197 406 руб.

В месячном возрасте у Марины неожиданно сильно поднялась температура. Местные врачи, не зная причины, давали антибиотики. В Магадане, а затем и в Москве диагностировали нефропатию, но не лечили. А тем временем у девочки появились сильные отеки, анализы становились все хуже. Это отказывали почки. В два года мы опять поехали в Москву. В Институте педиатрии нам определили нефротический синдром на фоне врожденной дисплазии почечной ткани. Прооперировали узкие мочеточники и изменили схему лечения. Дочке полегало. А в мае у нее в крови нашли высокое содержание креатинина. Токсины, которые должны выводиться из организма с мочой, поступают в кровь. Это означало скорую смерть. И мы решились на трансплантацию. Донором для Марины стал отец. Но почка не приживется без препарата АТТ. Но он очень дорог для семьи санитарки поселковой больницы и сезонного рабочего. Ради бога, помогите! Татьяна Клесова, Магаданская область

Заведующий отделением Российского научного центра хирургии Михаил Каабак (Москва): «У Марины нет клапана, который препятствует попаданию мочи обратно в почку, в этом все дело. Трансплантация нормализует почечную функцию. АТТ обеспечивает работу почки лет на 30 вперед. Девочке требуется 15 флаконов препарата по 13 160 руб. каждый».

Коля Борохов, 8 лет, врожденный прогрессирующий сколиоз 4-й степени, спасет срочная операция. 164 705 руб.

В нашей семье несчастье, и я впервые в жизни прошу о помощи. У меня пятеро детей: три сына и две дочери. Младший, Коля, перешел во второй класс. Он не выговаривает часть звуков. Говорят, дефект речи связан с защемлением позвонка. Об этом клиновидном позвонке мы понятия не имели, а врачи его не замечали. Коля всегда такой шустрый был, а теперь бегать-прыгать нельзя. Ему шел пятый год, когда мы нанесли шишку под лопаткой. Делали прогревания, лечили в больнице, но позвончик продолжал искривляться. Поехали к профессору в Новосибирск, он сказал, что нужна срочная операция. Без нее вырастет горб, и через два года Коля уже не спасет. Денег на операцию нет. Я сторожу экскаваторы за 3 тыс. руб., жена без работы. Очень прошу, помогите! Василий Борохов, Томская область

Заведующий отделением Новосибирского НИИ травматологии и ортопедии профессор Михаил Михайловский: «Мальчику 8 лет, а деформация за 90 градусов! Это один из тяжелейших вариантов сколиоза. Нужный имплантат в России не выпускают. Он дорог, но операцию нельзя откладывать: деформация прогрессирует».

Александр Кузев, 34 года, инвалид 1-й группы, артрозо-артрит тазобедренных суставов, требуется эндопротезирование. 119 207 руб.

11 лет из 34 я прикован к креслу. Заболел еще мальчишкой, долго не могли поставить диагноз. Позже нашли болезнь Бехтерева. Поступил в университет, но окончить его не смог, болезнь оказалась сильней. Выбирался из дома только в больницу, на коляске. Без посторонней помощи не обойтись, даже книгу не могу держать в руках дольше 20 минут. Болезнь согнула меня пополам. Мама уже давно оставила работу и только ухаживает за мной. Живу на уколах, но и они не спасают от боли. Все беды от тазобедренных суставов: там очаг воспаления. Если их заменить, то я смогу ходить!!! Проведя всю молодость в инвалидном кресле, я знаю цену жизни и ее смысл. Я уверен, что все выдержу и есть стану, как все. Одно препятствие: деньги, их нет. Живем с родителями на три пенсии. Александр Кузев, Новосибирская область

Хирург Валерий Прохоренко (Новосибирск): «Болезнь Бехтерева ведет к обезвижению суставов. Формируется так называемая поза горбуна. Это глубокая инвалидность и невозможность самообслуживания. Александру поможет лишь замена тазобедренных суставов на искусственные. Это реальный выход».

Николь Кондратович, 3 года, двусторонняя сенсоневральная тугоухость 4-й степени, необходимы слуховые аппараты. 67 885 руб.

Мое счастье в детях. У нас есть сын-восемилетний Глеб и маленькая Николь, девочка-улыбка. И вот вердикт врачей: двусторонняя тугоухость. Я так и не научился говорить об этом без слез. По совету районного врача мы, с великим трудом собрав немалую сумму, купили сверхмощные аппараты. Но уже после этого выяснилось, что они губительны для Николь! Это нам объяснили в сурдоцентре «Отофон», в подобранных там других аппаратах дочь стала наконец откликаться на свое имя. Появились первые слова! В этом возрасте для развития речи важен каждый день, а мы уже год ищем деньги на новые аппараты. Мучительно думать, что деньги определяют судьбу ребенка, и чувствовать беспомощность. Мы живем на зарплату мужа — менеджера частной компании (11 200 руб. на четверых). Поэтому прошу вас о помощи. Сузана Жемет, Милана Китарева, Москва

Директор сурдоцентра «Отофон» Ольга Смирнова: «Это вопиющая ситуация: некачественные аппараты обычно выдают бесплатные, а Китаевых их продает. Это приборы для безнадёжных глухих, а у Николь есть остаток слуха, и его надо сохранить. Такие аппараты для маленьких детей есть. С ними удасть подготовить девочку к школе».

Натasha Квитко, 5 лет, детский церебральный паралич, требуются четыре новых курса лечения. 96 100 руб.

Пишет вам семья военного пенсионера. В 2004 году я уволился майором из инженерных войск, имею пенсию 2800 руб. плюс случайные заработки. Жена — акушерка 20-й больницы Москвы, зарплата 4700 руб. Живем в хрущевке воинской части. Наша Наташа родилась обвитая пуповиной, не дышала. Сразу диагностировали детский церебральный паралич, спастический тетрапарез и гиперкинетический синдром. До 4 лет бесплатно лечили консервативными методами, но Наташа никак не реагировала на окружающие и совсем не двигалась. Узнав об Институте медтехнологий, мы прошли там два курса лечения (на один скопили сами, второй оплатил один благотворительный фонд). Дочь уже начинает говорить, узнает нас, следит за игрушками. Но ходит только с поддержкой, ноги заплетаются, левая рука сжата в кулачок, а правая вообще не действует. Сидит тоже только при помощи опоры. Врачи считают, что лечение надо продолжать, но денег у нас больше нет. Очень прошу помощи. Александр Квитко, Московская область

Замдиректора Института медтехнологий Ольга Рымарева (Москва): «Жаль, родители Наташи поздно на нас вышли. До сих пор девочку лечили неверно. Ребенок тяжелый, но степень поражения мозга невелика. Возможность умственного, речевого и двигательного развития сохраняется. Годовой курс лечения — ее последний шанс».

Реквизиты авторов и поставщиков услуг есть в фонде.

Для тех, кто впервые знакомится с деятельностью Российского фонда помощи

Российский фонд помощи создан осенью 1996 года для помощи авторам отчаянных писем в «Коммерсантъ». Проверив письма с помощью местной власти, мы публикуем их в «Б», журнале «Домовой» и на сайте www.rusfond.ru. Решив помочь, вы получаете у нас реквизиты авторов и дальше действуете сами. Деньги через нас не ходят. Мы просто помогаем вам помогать. Читателям затея понравилась: всего собрано свыше \$8,2 млн. Мы организуем и акции помощи в дни национальных катастроф: 53 семьям погибших горняков шахты «Зырянская» (Кузбасс), 57 семьям сгоревших самарских милиционеров, 153 семьям пострадавших от взрывов в Москве и Волгодоне, 118 семьям моряков АПЛ «Курск», 52 семьям погибших заложников «Норд-Оста», 39 семьям погибших 6 февраля 2004 года в московском метро, 100 семьям пострадавших в Беслане. Фонд — лауреат национальной премии «Серебряный лучник».

Адрес фонда: 125252, Москва, а/я 50; www.rusfond.ru. Телефоны: (095) 943-91-35, 158-69-04 (тел./факс). E-mail: rfp@kommersant.ru.

Страница подготовлена при содействии благотворительного фонда «Помощь».